

ИТОГИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ПАМЯТИ Г.С. БАТЫГИНА

В этой рубрике мы продолжаем публиковать избранные статьи участников шестого Методологического семинара памяти Г.С. Батыгина «Эвристический потенциал социального знания: потребности общества и возможности науки» (26–27 апреля 2017 г., Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН)¹, подготовленные на основе выступлений. Рубрика начата в № 3 «Социологического журнала» за текущий год.

О.Н. ЯНИЦКИЙ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ПРАКТИКА, МЕТОД, ТЕОРИЯ

Аннотация. Цель статьи — обосновать необходимость модернизации гуманитарного знания и рассмотреть некоторые схемы реализации этой задачи в социологии. Опираясь на изучение истории и теории вопроса, собственный опыт в выполнении междисциплинарных проектов в сферах городской социологии, изучения природных бедствий и техногенных катастроф, социальной экологии и общественных движений, автор пришел к следующим выводам, которые рассматриваются в данной статье. Первый, необходимость комплексного междисциплинарного подхода (далее МДС-подход) в гуманитарных науках диктуется сложным характером социальных явлений. Второй, по сути, все гуманитарные дисциплины со времен Ренессанса были в той или иной степени комплексными. Усложнение общества и интенсивное использование им достижений естественных и технических наук требовали развития комплексного подхода. Третий, современная глобализация — не линейный процесс, одни общества развивают унифицирующую англосаксонскую модель модернизации, другие — стремятся сохранить специфику своей культуры и образа жизни. Четвертый, сегодня конструирование как метод, теория и практика становится ведущим звеном глобальной динамики и социальной практики.

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 128-86-76. **Электронная почта:** oleg.yanitsky@yandex.ru

¹ Организация Семинара поддержана фондом РГНФ, грант № 17-03-14100.

«Органический» подход и социотехническое конструирование приобретают все более широкое распространение. Пятый, гуманитарное осмысление последствий технологического прогресса все более отстает от скорости глоболокальных перемен. Шестой, концепция глобального социума как социобиотехнической системы (СБТ-системы), сетевой характер ее структурно-функциональной организации, ее ускоряющиеся и нелинейные изменения являются теоретическими основами МДС-анализа. Седьмой, глобальный мир существует в двух ипостасях, материальной и виртуальной, их взаимосвязь требует тщательного изучения. Восьмой, логика МДС-исследования должна соответствовать логике развития социального пространства, а темпоритмы развития гуманитарного знания — динамике СБТ-системы. Наконец, девятый вывод — ориентация научно-исследовательского коллектива на МДС-подход, опыт выполнения подобных исследований в прошлом и наличие ядра единомышленников, равно как и стремление создать что-то новое, терпение и коммуникабельность — суть важные предпосылки модернизации социологического знания.

Ключевые слова: глобализация; история науки; междисциплинарные исследования; производство знания; сети; СБТ-система; социология; естественные и технические науки.

Для цитирования: Яницкий О.Н. Модернизация гуманитарного знания: практика, метод, теория // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 4. С. 69–88. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5529

Постановка вопроса

Жизненный опыт и работа над сложными проблемами играют в МДС-исследовании не меньшую роль, чем «книжное» знание или проведение очередного массового опроса. Моя жизнь сложилась таким образом, что я с самого детства и до последнего времени был включен в среду людей, участвовавших в реализации сверхсложных заданий и проектов (освоение Северного морского пути, геохимические исследования, геополитика и др.). Была многолетняя научная и практическая работа в таких сферах, как градостроительство и городская инфраструктура, экологические исследования, изучение аварий и катастроф, взаимодействия государства и гражданского общества и т. д. Чем более я углублялся в изучение комплексных проблем и вникал в практическую реализацию «одномерных» градостроительных, экологических и других решений, тем сильнее становилось ощущение, что организация и динамика социологии и других гуманитарных наук все менее соответствуют сложному нелинейному характеру процесса современной глобализации. Преобладало познание отдельных социальных феноменов в их «статике», а не изучение их системной динамики. Создавалось стойкое ощущение, что одномоментные «срезы» этой динамики не позволяют понять ее механизмы и поэтому не являются единственным инструментом для познания настоящего и будущего. Параллельно шел процесс институционального закрепления монодис-

циплинарного подхода. Бюрократические формы и процедуры научно-технической отчетности являются сегодня серьезным препятствием для свободного научного творчества.

На мой взгляд, растет критически важный, но еще плохо осознанный разрыв между интегрированными формами общественной жизни и инструментами их монодисциплинарного познания. Междисциплинарные размежевания растут, в то время как динамичная действительность рождает все новые «гибридные» формы мироздания. Сегодня природа и общество, природа и технические системы уже не существуют отдельно. В процессе современной глобализации возникло множество «гибридных» форм существования человека и природы. Соответственно, привычный уху социолога дихотомический инструментарий типа «природа — общество», «город — деревня», «мы — они», «здесь — там» и т. д. уже не соответствует интегративному характеру изучаемых явлений и процессов действительности. Это тем более удивительно, что сама история науки полна примеров комплексного (интегративного) подхода к предметам ее изучения. Так было во времена Леонардо да Винчи, так было и в истории и практике российской науки конца XIX — начала XX вв., я имею в виду работы В.И. Вернадского [1], А.Л. Чижевского [2; 3], К.Э. Циолковского и многих других. Импульс междисциплинарности возникает всякий раз, когда появляется некая жизненно важная проблема, а времени и ресурсов на ее решение катастрофически не хватает. Как, например, для сохранения ядерного паритета СССР — США в 1940–1960-х гг. Еще несколько принципиальных сдвигов требуют осмысления. Первое, на чем следует остановиться, это — нелинейный характер динамики сложных систем самого разного масштаба, от локальных до глобальных. Те понятия и квалификации, которыми до сих пор пользовалась мировая социология (например «турбулентность» или «неустойчивость»), никак не отражают динамики глобальной реальности. Второе — это их развитие в двух взаимосвязанных пространствах: материальном и виртуальном. Причем отдельные события и даже индивидуумы могут «мигрировать» из одного пространство в другое. Однако хуже другое: чем дальше, тем больше ни политики, ни отдельные люди не могут отличить социальные факты от медийных — социально сконструированных и направленно вброшенных в глобальное информационное пространство. В результате степень неопределенности состояния и динамика мир-системы повышаются.

Третье — мы часто говорим о «последствиях», но очень редко анализируем их характер, собственную динамику и обратное воздействие на систему, их породившую. Изучение отходов — да, это очень важно, но не менее важно понять и оценить степень их обратного влияния на их производителей, природу, жителей городов и сел и природу в целом. Сегодня мир бьет тревогу: околоземное космическое пространство уже настолько замусорено, что не только угрожает гибелью межпла-

нетных станций, но и «отключением» глобальных информационных систем. А ведь именно на них держится вся глобальная жизнь — от доставки грузов и товаров и до разрушения (или остановки) систем жизнеобеспечения, которые должны функционировать непрерывно. Я имею ввиду не только больницы, учебные заведения, но и всю систему государственного и муниципального управления. Риск ядерной войны, спровоцированный поломкой одной из спутниковых систем наблюдения в результате «мусорной атаки», возрастает.

Четвертое — я уже не раз подчеркивал, что сегодня такие понятия, как «малое» и «большое», локальное и глобальное *стали относительными*. Поначалу Чернобыль или Фукусима-1 казались событиями локального или максимум странового масштаба. Сегодня, однако, уже никто не сомневается в их глобальном характере. То же можно сказать и об эпидемиях или эффектах изменения климата, неважно, будет ли это потепление, похолодание или просто резкое возрастание амплитуды атмосферного давления, температурных или геомагнитных колебаний. Ни рядовой человек, ни социальные науки пока не приняли во внимание тот факт, что человечество может существовать в весьма узких рамках температурного, влажностного и т. д. режима.

Пятое — весь теоретико-методологический аппарат современной социологии, созданный западными теоретиками, является в значительной мере либерально ориентированным. То есть предполагается, что весь мир как следовал, так и будет следовать его *линейной динамике, созданной еще во времена Просвещения*. И по сей день существует чрезвычайно мало социологических и других гуманитарных исследований, анализирующих жестокие глобальные ситуации, как, например, Первая и Вторая мировые войны. Нет ли парадокса в том, что вот уже более столетия мир живет в напряженном ожидании (и страхе) атомной или «гибридной» войны, а социологи не создали ни одного капитального труда, анализирующего и обобщающего эти глобальные потрясения? Знаменательный факт: тема мировой войны и ее последствий глубоко разрабатывалась и продолжает исследоваться в художественной литературе и публицистике. Но большинство этих работ повернуто в прошлое. Нет и серьезных политологических работ по данной теме (я здесь не рассматриваю политически ангажированные работы типа «Великая шахматная доска» З. Бжезинского, нацеленные не столько на объективный анализ, сколько на разрушение, трансформацию или «приручение» неудобных «богатыму Северу» режимов).

Шестое — отсюда чрезвычайная скудость работ, посвященных локальным, в том числе «городским войнам» (*guerilla wars*) и состоянию социальных сил и людей, в них вовлеченных. Между тем именно они не только сами по себе являются важным объектом МДС-исследования, но могут использоваться как модельные объекты для изучения глобальной динамики. Обозначенный выше принцип релятивизма «микро»

и «макро» здесь вполне уместен. Еще меньше работ, посвященных отдаленным последствиям не только двух мировых войн, но и таких событий, как Холокост или война во Вьетнаме. То же можно сказать и об изучении отдаленных последствий лесных пожаров, ураганов, наводнений или локальных техногенных катастроф. Соответственно, как в РФ, так и во всем мире система «наука — практика» ограничивается жестким разделением действий служб МЧС по ликвидации источника некоторой катастрофы и связанными с нею постспасательными мероприятиями. Действия по адаптации пострадавших к неизвестным условиям жизни и / или к своему нынешнему состоянию (больные; инвалиды; люди, потерявшие своих родных и близких) передаются в руки обычных гражданских социальных служб, далеко не всегда способных оказать нужную помощь глубоко травмированному человеку и тем более целому сообществу (сгоревшей или полностью разрушенной наводнением деревне). В результате критических состояний возникает большой контингент маргиналов поневоле.

Восьмое — стремление к ускоренному объединению стран и народов с целью создания мощной политической и социально-экономической силы, способной играть роль одного из глобальных игроков на «великой шахматной доске». Речь, понятно, идет о создании Европейского союза. В результате «ускоренного объединения» Великобритания планирует выход из его состава, но кроме того, возникла доктрина «разных скоростей развития» отдельных стран ЕС, в результате которой этот Союз будет фактически поделен на страны первого, второго и третьего сорта. Это может вызвать новый каскад социально-политических конфликтов, новые миграционные потоки, как извне, так и внутри ЕС, и т. д.

Развитие МДС-исследований в гуманитарных науках

Написание истории междисциплинарных исследований — это отдельная задача для гуманитарных наук. Поэтому здесь лишь намечу пунктиром важные для данной работы точки и тренды. Историческая наука, включая археологию и другие отрасли исторического знания, всегда были МДС-ориентированными. Другое дело, что роль естественных и технических наук в их динамике трактовалась по-разному. Экономическая наука, на мой взгляд, развивалась «волнообразно». Классические работы в этой области знания, начав с комплексности (К. Маркс, М. Вебер, К. Бюхер), затем становились все более «монетарными», а сегодня вновь развивают МДС-подход, сближаясь с публичной политикой. Предмет политических наук, на мой взгляд, является, по сути, междисциплинарным, так как политическая жизнь общества складывается из множества процессов и обстоятельств. В начале XX века В.И. Ленин дал прекрасные образцы политической мысли «текущего момента». Сегодня политическая наука все более интегрируется с публичной политикой, а та, в свою очередь, — с медиаполитикой. Пожалуй, конструирование глобальных политико-эко-

номических доктрин и отдельных политических фактов наиболее отчетливо проявляется именно в публичной политике. В истории социологии мы видим противоречивую картину. В период своего становления социология заимствовала многие методы и подходы у естественных наук (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Р. Парк) и постепенно вырабатывала свой специфически социологический взгляд на общественную жизнь. К сожалению, дихотомический подход к ее изучению, включая противопоставление общества и природы, продолжал господствовать вплоть до начала 1960-х гг. Тот же подход превалировал и в изучении техники. Социология предпочитала изучать социальные последствия технологических проектов и решений, а не структуру, функции и динамику интегрированных социотехнических систем. То же можно сказать и об исследованиях в области этики ученого. До сих пор законодателем моды в данной области считается Р. Мертон, но созданный им «этнос ученого» выражает лишь англосаксонскую точку зрения. Однако русские ученые Н.П. Анциферов, В.И. Вернадский, Д.С. Лихачев, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов, В.С. Соловьев не мыслили научной деятельности в отрыве от своей гражданской активности (об этом см., например, книгу О.Н. Яницкого [7]). Современная западная теоретическая социология (З. Бауман [8; 9], У. Бек [10; 11], М. Кастельс [12], Э. Гидденс [14], Дж. Урри [18]) представила глобальный мир как непредсказуемый, обремененный рисками и неожиданными событиями и т. п. Анализ какой-либо проблемы (неравенства, бедности, развития гражданского общества или др.) производится «в контексте глобализации», однако его концептуализация не оговаривается. Иными словами, сама проблема комплексного МДС-анализа глобализации остается на периферии современной западной социологии. Или исследовательская задача «переворачивается»: предлагается, например, сетевая модель процесса глобализации (см. *The Global Risk Report*, 2016: [17]), но ни характер взаимодействия между ее агентами, ни их совокупный результат не эксплицируются.

Напротив, в теориях среднего уровня, как в России, так и в остальном мире, в теориях урбанизации, социологии медицины, экосоциологии, социологии города и села, миграционных процессов, в военной социологии МДС-подход практикуется достаточно широко, с привлечением данных естественных и технических наук. Но тогда возникает вопрос: а где же граница собственно гуманитарного знания? Однако теоретически этот вопрос также остается не изученным. Почему так происходит? На мой взгляд, именно потому, что тогда пришлось бы пересматривать всю институциональную организацию сферы научного производства.

Концепция СБТ-системы

Вот основные принципы социобиотехнической системы. Сегодня биологические, социальные и технологические системы в своих пространственных и функциональных параметрах интегрированы настолько тесно,

что их следует рассматривать именно как единое целое — противоречивое, развивающееся нелинейно, но целое. Затем, пришедшее к нам с Запада и широко распространенное в социологической литературе понятие взаимодействия (*interaction*) не отражает всего разнообразия его форм (и временных параметров), прямых и обратных связей, социальных и иных последствий и т. д. Самое главное — всякое «взаимодействие» скрывает множество форм односторонних изменений, взаимных трансформаций, поглощений и разрушений, что в научной литературе получило название *метаболизма*, биосоциального, социотехнического, собственно социального и т. д. Любая СБТ-система существует, развивается или, напротив, деградирует под воздействием метаболических процессов. К сожалению, если по отраслевым проблемам глобализации существует большая научная литература, то синтезирующих работ практически нет. Далее, хотя структурно-функциональный анализ распространен повсеместно, отечественные и зарубежные социологи и политологи акцентируют свои исследования на изучении «устойчивых» структур, городов, регионов, государств и их альянсов. Недаром с середины 1980-х гг. во всей мировой литературе идея «устойчивого развития» получила столь широкое распространение. Показательно, что уже сегодня, когда сделаны первые шаги к реальному сближению естественных и социальных наук, оно происходит опять-таки в рамках идеи «устойчивого развития». Это явное противоречие между глобальными интеграционными трендами и стремлением обрести пресловутую «устойчивость» я могу объяснить только одним обстоятельством: сохранить институциональные размежевания между науками, во что бы то ни стало! Но кто же тогда будет изучать нелинейную динамику СБТ-систем? Это необходимо потому, что все они, от глобальной до локальных, имеют собственную динамику, отличную от динамики их отдельных частей.

Более глубокие причины междисциплинарного размежевания

Глобальная СБТ-система построена на сетевом принципе организации, причем ее информационные и ресурсные сети охватывают весь мир. Поэтому главный конфликт современности — геополитический. Речь идет о противостоянии между унифицирующим воздействием транснациональных систем (ТНК) и территориально организованными общностями (государствами и их союзами), стремящимися сохранить свою экономическую независимость и культурную идентичность. Результатом этого противостояния может быть как сохранение и усиление территориальных общностей посредством временных объединений, так и их тотальная хаотизация с выделением энергии распада в виде беженцев, вынужденных переселенцев, уничтожения материальных и культурных ценностей. Другим результатом этой конкурентной борьбы между разного рода ТНК и территориально организованными социальными структурами является повышение общей неустойчивости и, следовательно, рискогенности глобальной

СБТ-системы. Как неоднократно отмечалось, в мире уже не осталось абсолютно безопасных мест (территорий), есть только более или менее безопасные, и соотношение между ними все время меняется. Приведу лишь несколько примеров.

Так, повышение температуры океана у берегов Португалии привело к болезням прибрежного планктона, которым питаются мидии, а их едят люди. «Вдруг» возникла смертельная опасность для аборигенов и туристов, которую никто не предвидел. Другие, но не меньшие проблемы, есть и в РФ. Еще недавно для работы в стране привлекались сотни тысяч гастарбайтеров из Средней Азии и стран Ближнего Востока. Но этот приток породил двойную проблему. С одной стороны, гастарбайтеры вытесняют местное население с рынка труда, а с другой — дети гастарбайтеров не хотят адаптироваться к русской культуре и укладу жизни. Вот по крайней мере пять вариантов их не-адаптации в РФ, от вполне мирных до радикальных: (1) заработать денег и вернуться домой; (2) жить здесь, чтобы кормить семью там; (3) РФ рассматривается как транзитный пункт, чтобы двигаться дальше, в страны ЕС; (4) жить на два дома, здесь и там; (5) сформировать свой этноконфессиональный анклав, чтобы жить здесь и пропагандировать его правила и нормы среди «неверных»; (6) рекрутировать молодежь в радикальные и экстремистские организации.

У этой проблемы есть другая сторона, развернутая во времени. Это — совместное обучение детей мигрантов и аборигенов в школах. С одной стороны, такая возможность гарантируется Конституцией РФ. С другой стороны, такая совместность замедляет процесс получения знаний российскими школьниками, вызывает многочисленные размежевания и конфликты. Некоторые школьные работники полагают, что эти размежевания снимаются присутствием тех и других школьников в социальных сетях, но, на мой взгляд, в них никакой этнокультурной интеграции не происходит. Отдельное (раздельное) обучение детей мигрантов и аборигенов не предусмотрено, поэтому школа и учителя ведут с первыми дополнительные занятия на свой страх и риск. Но если взглянуть на перечисленные выше пункты 1–6, то возникает законный вопрос: а кому нужно такое совместное обучение? В целом, правы были У. Бек, Э. Гидденс, Д. Урри и другие западные социологи, которые квалифицировали современный мир как небезопасный, непредсказуемый и «нелинейный». Но до комплексного и динамического анализа подобных перемен дело пока не дошло.

Наконец, совокупность названных процессов порождает в разных местах планеты «критические» точки, которые я назвал критическими зонами и процессами [6; 17; 20]. Эти понятия не равнозначны таким понятиям общественной динамики, как экономический кризис или «турбулентность» социально-экономической обстановки. Кризисы периодически возникают и чаще всего преодолеваются, а критические

зоны и процессы могут существовать бесконечно долго и заканчиваться распадом государств и других социальных общностей, так как в них процессы производства рисков перманентно довлеют над процессами развития и накопления общественного богатства. Критические зоны становятся одновременно «питательной средой» для крупного бизнеса, медиа и криминальных структур и бедствием для проживающего в них населения. Эти зоны чаще всего — результат вмешательства международного капитала с целью получить доступ к источникам ресурсов, еще находящихся под юрисдикцией национальных государств. Целенаправленная «хаотизация» таких зон открывает ТНК доступ к источникам ресурсов. В результате отмеченного глобального противоречия большой бизнес и медиамагнаты богатеют, а местное население страдает.

Размышления по поводу динамики СБТ-систем

Структура и динамика СБТ-систем пока не стали предметом анализа социологии и других гуманитарных наук. Существующий исследовательский инструментарий не «схватывает» разнообразие векторов нелинейной и разноскоростной СБТ-динамики. Максимум чего удалось достичь, так это начать изучение глобальных сетевых систем и возникающих на их пересечении «конфликтных» узлов (The Global Risk Report, 2016 [17]). Но это опять же был их «статичный», то есть одномоментный срез. Принципиально важным достижением стала серия исследований в области структуры и динамики метаболических процессов (см., например, работы О.Н. Яницкого [6]; Х. Хаберла с соавторами [16]). И наконец, необходимость в МДС-подходе отразилась в факте слияния двух авторитетных международных организаций ЮНЕСКО, ее Советов по естественным и социальным наукам, что ранее представлялось просто немыслимым.

Попытаюсь теперь раскрыть причины долговременного отсутствия глобального МДС-анализа. Отсутствие необходимых интеллектуальных и материальных ресурсов? — Да, частично это так. Но если вспомнить, что попытки периодически встречаются в истории естественных и гуманитарных наук (работы В. Вернадского, А. Чижевского, П. Дракера, А. Тоффлера, З. Бжезинского и др.), то непонятно, почему они не получили продолжения. На мой взгляд, главной причиной здесь все же является «линейная» концепция исторического процесса, основы которой были заложены в эпоху Просвещения и которая как нельзя лучше отвечает идее мирового господства «развитого Севера» над «недоразвитым Югом» (в частности, идее Pax Americana). Я не буду здесь останавливаться на очевидном: идея и принцип однополярного мира сегодня уже не соответствуют глобальной реальности. И ранее выполненные, и современные работы по глобальной динамике соответствуют принципу глобализации линейности развития, то есть принципу распространения англосаксонской модели развития по всему миру. Представляется, что именно он определил концентрацию западных

(и частично российских) исследователей на структурно-функциональных трансформациях только одной, вестернизированной модели, а не на сложной динамике глобального СБТ-целого. Ниже я приведу типичные примеры типологизации статичных социальных структур.

Вот, например, знаменитый квадрант отношений государства и гражданского общества, характеризующий их основные типы, предложенный У. Гэмсоном [13] и широко используемый по сей день, который легко экстраполируется на сферу международных отношений. Гэмсон выделяет два основных типа последствий общественных движений (достижение первоочередных целей; получение возможности законно представлять свои интересы, т. е. легализация), при различных сочетаниях которых возникают четыре вероятных результата таких взаимодействий: от полного принятия вызова некоторой группы граждан (ее кооптация или легитимация) до полного непринятия (включая перехват выдвинутой инициативы или ее подавление). Очевидно, что речь не идет о динамике отношений государства и гражданского общества или же — об их изменении в ходе борьбы. Во всех случаях речь идет лишь о субъектах взаимодействия с их фиксированными свойствами и пространственными границами. То есть о статичной системе взаимодействия с четырьмя типами взаимоотношений. *А как быть, если меняется все: и сами агенты, и их масштаб и политический вес, и их воздействие на глобальное соотношение сил? К тому же, как было отмечено выше, все они еще и изменяются под воздействием метаболических процессов!*

Сегодня в исследованиях используется множество других дихотомических схем и подходов, например богатые и бедные, развитые и развивающиеся страны, более и менее ресурсно обеспеченные, более и менее зависимые от транснационального бизнеса, внутренне и внешне ориентированные, относительно политически независимые и политически ангажированные и т. д. Археологи и историки справедливо возражают, что их науки изучают историю человечества, продвигаясь все дальше назад по стреле исторического времени. Но в доисторические времена и позже такого влияния человеческой деятельности на состояние планеты не было. Долгое время человеческие сообщества были «встроены» в глобальную динамику и всецело ей подчинились. И только тогда, когда возникла Биосфера («живое вещество», по Вернадскому), охватившая всю планету, можно было спекулировать по поводу ее обратного воздействия. Однако прошла еще не одна тысяча лет, пока народонаселение планеты, его потребности и совокупная технологическая мощь человечества стали оказывать растущее влияние на состояние и динамику глобальной СБТ-системы. Изучение этой динамики — чрезвычайно сложная задача, так как каждая из ее подсистем имеет свой ресурс и предел несущей способности (a limit of carrying capacity). А каков этот предел всей глобальной СБТ-системы, сейчас никто сказать не может. Наконец, если мы обратимся к концеп-

циям глобальной социальной динамики, то фактически большинством западных исследователей на вооружение была принята концепция «осевого времени», хотя ее автор Ш. Эйзенштадт не раз подчеркивал, что модернизация порождает протест и дезинтеграцию [4]. Тем не менее в работах этого автора упор сделан на внутренние структурно-функциональные изменения именно в системе «центр-периферия», а не на динамике глобального целого.

Гуманитарное знание тоже развивается нелинейно

Есть ли прямая связь между нелинейным развитием мироздания и динамикой изучающих его наук? Это — тема отдельного исследования, поэтому приведу лишь несколько фактов из истории науки. Изначально ее развитие было интегративным, отражавшим интегрированный взгляд человека на окружающий мир. Не случайно одной из первых наук была философия, которая в те далекие времена и являлась таким интегрирующим и объясняющим инструментом познания. Не случайно также, что в течение многих веков и вплоть до настоящего времени объяснительные модели религии и философии, а позже — многих наук и религиозных систем то сближались, то резко расходились, то сосуществовали как бы независимо. Эта экзистенциальная двойственность сохраняется и сегодня. Тем не менее у религии и науки есть общее: одно дело — это вера и получение научного знания, а другое — это институты, их сохраняющие и воспроизводящие. Другая их общая черта — это надежда на лучшее будущее. Еще одна линия того же процесса также интенсивно развивалась, опережая потребности своего времени. Я имею в виду конструирование в самом широком социальном смысле этого слова.

Поэтому, начиная с эпохи Возрождения, все городские утопии, как, например, «Город солнца» Т. Кампанеллы, «Утопия» Т. Мора, «Города будущего» Э. Говарда, город Чандигарх (Индия) Ле Корбюзье или «зеленый город» советских урбанистов М. Барща и М. Гинзбурга, были многосторонними социальными конструкциями. В XVIII–XIX вв. писатели и публицисты изучали «физиологию» Парижа, Петербурга и других городов, естественно, комплексно. Советские историки на основании анализа историко-литературных источников смогли реконструировать ключевые характеристики средневековой культуры как исторической целостности. А в результате многолетних экспедиций члена-корреспондента АН СССР А.В. Арциховского и академика В.Л. Янина были реконструированы быт и обычаи Новгородской культуры. Элементы комплексного гуманитарного знания создавались как на основе анализа исторических источников и археологических исследований, так и посредством социально-инженерного конструирования. Иными словами, фактически ставились (или моделировались на бумаге) социальные эксперименты, результаты которых изучаются до сих пор. Новые археологические изыскания оказывают влияние на

концепции российской истории, и в этом смысле ничего не изменилось. Кроме того, «устные истории», изучение архивных документов, особенно мемуаров и дневников, всегда были ценным материалом для исторического, историко-экономического или историко-культурного исследования. Дневники Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна ценятся сегодня как источники философского и социально-психологического знания о прошлом России. Совсем не случайно, что именно город рассматривался гуманитариями в качестве основного источника знаний об обществе. С двенадцатитомного труда «Картины Парижа» с детальным анализом всех сторон городской жизни, созданного французом Л.-С. Мерсье еще в XVIII в., и до «Петербургских трущоб» В.В. Крестовского городская жизнь была интегративной моделью жизни всего общества.

Представляется, что период XVIII–XX вв. был временем неослабевающего общественного интереса к внутренней механике (тогда ее чаще называли физиологией) жизни индустриального общества и институционализации сложных сфер деятельности. Достаточно заглянуть в тридцатитомное издание сочинений Ч. Диккенса, эту энциклопедию городской жизни Англии XIX века. Существует еще ряд причин, позволяющих мне утверждать, что этот исторический период важен для становления междисциплинарного знания об обществе. Во-первых, сама наука, включая ее естественнонаучные отрасли, видела много общего между функционированием социальных и природных организмов. Именно тогда возник термин «экология» (Э. Геккель), а позже, в начале XX в., Р. Парк предложил понятие «человеческой экологии» (human ecology). Во-вторых, большинство русских ученых, естественников и гуманитариев конца XIX – начала XX вв., включились в борьбу за гражданские права — как самих университетов, так и населения России в целом. Именно тогда В. Вернадский со своими коллегами создали свое «братство», неформальную общественную ячейку, просуществовавшую не один десяток лет. В-третьих, развитие индустриального общества привело к четкому разделению времени основной массы трудящихся на труд и досуг. Это, в свою очередь, повлекло за собой создание ячеек гражданского общества в трудовой (профсоюзы) и внеуродовой (клубы, благотворительные организации, научные общества) сферах. В-четвертых, быстрый рост больших городов и рабочих поселков дал мощный импульс к развитию института социальной медицины (лечение алкоголизма, наркомании, психических расстройств и других форм асоциального поведения). В-пятых, развивавшиеся со второй половины XIX в. социальная антропология и этнография также были комплексными дисциплинами: изучать аборигенов и их анклавы в городах методами массовых опросов было просто невозможно. Недалеко от них ушли локальные исследования, служившие развитию местной жизни и методов самоуправления.

Напомню о феномене российского земства, где разделить экономику, медицину и социальную помощь населению было просто невозможно. Мой дед, Ф.Ф. Яницкий, проработав земским врачом четыре года в Полтавской губернии, говорил, что этот опыт был бесценен для него и как врача, и как члена Пироговского общества. Наконец, в-шестых, это — развитие краеведения. Нет более интегрированной области гуманитарных, биосоциальных и технологических исследований и общественной деятельности, чем краеведение. Именно в ней органически соединяются ремесла и реставрация, музейное дело, природная экология и экология культуры (Д.С. Лихачев).

На таком фоне современная западная и российская социология выглядят не лучшим образом, хотя этому есть исторические причины. Ведь социология — молодая наука. Появившись на свет в XIX в., она еще долгое время не была самостоятельной отраслью знания, поскольку использовала эпистемологию и концепции истории, антропологии, географии, медицины и других смежных дисциплин. И параллельно должна была бороться за свою институционализацию.

Возможные сценарии

Речь пойдет не столько о сценариях динамики глобальной СБТ-системы, для их построения еще нет нужных инструментов, сколько об уже обозначившихся трендах. В принципе, нужно рассматривать три сценария: инерционный, критический и разрушительный («самоубийственный»). Из них наиболее вероятным мне представляется второй, то есть критический. Попробую обосновать этот тезис исходя из уже обозначившихся трендов этой динамики. Напомню еще раз, что их совокупность может дать синергетический эффект, который существующими методами пока просчитать невозможно.

Прежде всего отмечу, что *народонаселение планеты* продолжает расти, причем если в «развитых» странах и их союзах этот рост минимален, то население «развивающихся» стран быстро увеличивается, несмотря на принятые там сдерживающие меры. Но дело еще и в том, что оно перенимает потребительские стандарты богатого Севера. Таким образом, рост народонаселения надо рассматривать в связке с ресурсами для их удовлетворения, которые на каждый момент времени являются ограниченными. Но и этого мало, так как в «развитых» странах значительная часть энергетических и материальных ресурсов затрачивается на создание систем вооружений и тем самым омертвляется. Кроме того, локальные войны, ведущиеся этим оружием, приводят к омертвлению не только самих отходов военного производства, но и обширных территорий, которые надолго становятся непригодными для жизни. Или эти территории превращаются в зоны «замороженных конфликтов», на которых осуществляется лишь простое воспроизводство населения. А длительное отсутствие развития приводит к социальной деградации людей, живущих в подобных зонах. Именно в них

формируются радикальные и экстремистские настроения, которые позже выливаются в реальные действия, будь то формирование радикальных социальных общностей или движений или массовый наплыв мигрантов в страны богатого Севера, что и происходит в последние годы в ЕС. Далеко не все мигранты там адаптируются — часть из них стремится перестроить европейские порядки в соответствии с правилами и нормами жизни беднейших стран Ближнего Востока, Африки и Азии. Их оружие «массового воздействия» — не столько вооруженные действия, сколько продвижение в страны богатого Севера своих этноконфессиональных порядков. Такой миграционный поток может быть как вызванным естественными побуждениями (желание жить лучше, дать образование детям и т. д.), так и социально сконструированным в долговременных политических и этноконфессиональных целях. Что, естественно, провоцирует политическую и социальную напряженность в ЕС. Все вышесказанное — лишь наиболее простой и наглядный пример критической глобальной динамики.

Вывод 1: *нельзя сегодня анализировать только одну проблему, даже такую важную, как рост населения планеты. Нет сегодня изолированных проблем — есть их очень длинные цепи, связь между которыми может носить самый разный характер: последовательная, совокупная, каскадная и т. д.* Вывод 2: *я не могу привести примеры, когда синергетический эффект приводил бы к неким позитивным переменам (сохранению природы, улучшению качества жизни и др.).* Обычно такой эффект приводит просто к исключению некоторой территории вместе с ее населением из экономической и социальной жизни планеты. Вывод 3: *ни экономисты, ни социологи пока не создали такого методического инструментария, который позволял бы в реальном пространстве-времени выявлять и фиксировать комплексные перемены.*

Подойдем теперь к интересующей нас проблеме с другой стороны. Известно, что *время протекания метаболических процессов* есть критический фактор для СБТ-системы любого масштаба. Какова же пространственно-временная динамика глобальной СБТ-системы? Или более конкретно: каким образом современные информационные технологии изменяют эти ее критические параметры? Сегодня многие теоретики утверждают, что произошел «перерыв постепенности» в пространственно-временной связи исторических событий. «Завтра» уже не является простым продолжением «сегодня» и тем более «вчера». То, что информационные технологии позволили преодолеть пространственные барьеры, всем известно (так называемый феномен «инверсии пространства»). Но это далеко не все! Гипотетически говоря, глобальный мир не столько интегрировался, сколько разделился на множество качественно различных пространственно-временных систем. Дело в том, что одни страны развиваются в ускоренном ритме, тогда как другие «стоят на месте» или двигаются назад по оси исторического времени. Причем двигаются отнюдь не

в неизменном виде, а постоянно трансформируются, а иногда и просто разрушаются и исчезают. Наконец, ведь «ускорение» англосаксонской цивилизации было достигнуто благодаря не только инновациям, но и за счет захвата, разграбления и уничтожения других цивилизаций. Зайдите в Британский музей и попытайтесь понять, каким образом его несметные сокровища оказались именно там, а не в тех странах, откуда они были вывезены, во многих случаях тайком.

Вывод 1: *сама концепция оси исторического времени должна быть подвергнута сомнению*. Вывод 2: *никакой «линейности» в современной глобальной динамике нет*, одни двигаются вперед, другие «стоят», третьи деградируют и распадаются. Вывод 3, для гуманитарных наук самый главный: *нельзя отождествлять течение социального времени с ходом астрономического времени*. Вывод 4: *метаболические процессы в глобальной системе — это пока tabula rasa*. Нужны новые методы и инструменты. Вывод 5: *линейное развитие подвержено самоторможению*, как в силу исчерпания внутренних ресурсов, так и по причине растущего сопротивления социальных сил.

Усилия по противодействию

Чтобы не быть обвиненным в одностороннем подходе, сделаю попытку оценить усилия мирового сообщества по улучшению его состояния. Скажу сразу, я не рассматриваю здесь какие-либо попытки передела мира в интересах «развитого» Севера под флагом установления демократии западного образца. Вместе с тем, если бы такие усилия не были предприняты, наверное, ситуация в мире была бы еще более серьезной. Но это — именно «наверное», потому что таких ретроспективных комплексных оценок никто не делал. Начнем с уже известной темы «глобального ускорения», которое привело к критическому оставанию существующих социальных институтов от скорости геополитических и других перемен. Да, установленные более полувека назад нормы международного права сыграли важную роль в период после Второй мировой войны. Но сегодня эти нормы постоянно нарушаются временными договоренностями и соглашениями, что обусловлено возникновением проблем, которые нужно решать «здесь и сейчас». Плюс — на международной арене появились такие игроки, как международные и национальные НКО, которых ранее не было. Далее, эти нормы размываются действиями «четвертой власти», когда политически сконструированные факты приравниваются к социальным фактам. Затем, целая серия международных соглашений, принятых ООН, не выполняется или выполняется частично. «Зеленая революция»² дала

² «Зеленая революция» — комплекс мер, предпринятых в середине прошлого века для увеличения продуктивности сельского хозяйства в странах третьего мира, главным образом связанный с внедрением интенсивных методов выращивания зерновых культур. — *Прим. ред.*

положительный эффект, но эффект весьма краткосрочный. А вот зависимость многих стран от монополистов, производящих семенной материал, растет изо дня в день. Следовательно, динамика развивающихся стран зависит от интересов тех же ТНК. Идея «устойчивого развития», также продвигавшаяся ООН [15], ничего не дала. Сегодня любая «устойчивость» — это индивидуальный феномен, но зависящий от геополитической ситуации и динамики локально-глобального контекста. И вообще, давно известно, что любая устойчивость (при наличии как благоприятных, так и неблагоприятных условий) достигается только через постоянные изменения.

Пока как следует не просчитаны последствия информационной революции. Во-первых, это удвоение жизненного пространства (материальное и виртуальное) любого социального агента, и в первую очередь человека. Но, как уже ясно, социальные сети и другие информационные пространства изменяют поведение человека, отрывая его от социокультурных корней (семьи, круга близких друзей, «малой Родины» и т. д.). Социальная сеть — довольно зыбкая среда обитания, в которой легко можно потерять собственную идентичность, не приобретя никакой другой. Эти сети — действительно сети для ловли человеческих душ: недаром именно через них осуществляется рекрутинг в экстремистские организации. Во-вторых, включаясь в глобальную сеть, человек добровольно ставит себя в зависимость от множества анонимных пользователей, цели которых ему могут быть неизвестны. Как говорят специалисты, все чаще эти рядовые агенты социальных сетей используются «втемную». В-третьих, и этот вопрос меня беспокоит более всего: не станет ли индивид (учитывая растущие возможности пространственной мобильности) в конце концов человеком без роду и племени, эдаким «перекати-поле» (О. Шпенглер) или, выражаясь по-научному, вечным маргиналом? Не случайно западные социологи говорят о необходимости пересмотра концепции «приватности», этого одного из краеугольных камней западной демократии. Наконец, К. Шваб и другие интерпретаторы четвертой промышленной революции открыто предупреждают о грядущих изменениях на рынке труда, дальнейшем размежевании элиты ее идеологов и изобретателей, с одной стороны, и трудящейся массы — с другой. Не есть ли это на новом витке возврат к первой стадии промышленной революции с ее изнурительным монотонным трудом?

В-третьих, для меня, изучавшего теорию и практику социальных движений в Европе в течение многих лет, непонятно, что же, с точки зрения западных исследователей, произошло с европейской демократией за последние 15–20 лет? Вплоть до конца 1990-х гг. социальные движения интенсивно изучались всеми ведущими европейскими социологами: М. Диани, М. Кастельсом, Б. Кландермансом, Х. Кризи, Д. Делла Порта и десятками других. Изучались, потому что иссле-

дователи полагали, что гражданские инициативы и движения и есть один из драйверов западной демократии. Но вот в середине 2000-х гг. ЕС полностью встал на ноги, а исследователи вернулись к изучению деятельности политических партий, их роли в функционировании бюрократического аппарата ЕС и т. п., как бы забыв о своих недавних интересах. И это при том, что левые настроения и националистические организации в ЕС только растут. Не парадокс ли: сегодня Ирландия является одной из немногих в Европе стран, интенсивно развивающих исследования социальных движений.

Вывод 1: *усилия мирового сообщества по улучшению его состояния не привели к желаемым результатам.* Причина такой неудачи — улучшать его состояние можно только тогда, когда оно приносит ощутимую выгоду частным интересам. *Благотворительности в мировом масштабе не бывает.* Она всегда хорошо оплачена. Вывод 2: *политическая выгода от продвижения идеи «устойчивого развития» победила выводы фундаментальной науки.* Вывод 3: *«информационная революция» — двуликий Янус,* так как соотношение ее будущих благ и бедствий не было просчитано. Вывод 4: *социологические исследования на Западе подчинены социальному заказу.* Отсюда, их модернизация заключается в освобождении от него. Вывод 5: *свобода научной мысли и творчества остаются непреложными условиями модернизации научного знания.*

Заключение

Некоторые предварительные выводы были сделаны выше, а «окончательных» выводов в столь динамичной глобальной ситуации просто не может быть, поэтому ограничусь некоторыми предварительными соображениями. Первое, гуманитарные науки, взаимодействуя с естественными и техническими, тем не менее должны сохранять некоторую дистанцию от них. Однако дистанция не предполагает дальнейшего обособления гуманитарных наук. Напротив, она предполагает умение переводить данные естественных и технических наук на собственный язык. Таковую же дистанцию нужно сохранять и по отношению к массмедиа. Понятно, что в информационный век без них не обойтись, но эта дистанция необходима, потому что чем дальше, тем больше медиа рассматривают данные социологии и других гуманитарных наук как инструмент для подтверждения собственных сиюминутных позиций. Это, в свою очередь, означает, что научные факты должны быть отделены от политически сконструированных фактов и институционально конституированы. Чтобы этого достичь, реакция гуманитариев на глобальные перемены не должна отставать от медиареакции, — в частности, посредством развития методов непрерывного наблюдения и обработки их результатов. Для этого требуются дополнительные средства, но далеко не всегда. Например, процесс реновации пятиэтажной застройки российских городов можно наблюдать практически бесплатно в течение долгого времени. Наконец,

наиболее сложная задача — это понять динамику России в контексте взаимодействия нескольких цивилизационных моделей. В нем Россия тоже не стоит на месте, а движется по сложной, скорее всего, разно-векторной траектории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. Труды биохимической лаборатории. Вып. 16. М.: Наука, 1980. — 320 с.
2. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1973. — 349 с.
3. *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга: Первая гостиполитография, 1924. — 72 с.
4. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. — 416 с.
5. *Яницкий О.Н.* Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.
6. *Яницкий О.Н.* Социология критических состояний общества // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 5–24.
7. *Яницкий О.Н.* Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики. М.: Наука, 2007. — 275 с.
8. *Bauman Z.* On Glocalization: Or Glocalization for Some, Localization for Others // *The Bauman Reader* / Ed. by P. Beilharz. Malden, Mass.: Blackwell Publishers Inc., 2001. P. 298–311.
9. *Bauman Z.* Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, UK: Polity Press, 2004. — 152 p.
10. *Beck U.* Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE, 1992. — 272 p.
11. *Beck U.* World Risk Society. Malden, MA: Polity Press, 1999. — 192 p.
12. *Castells M.* The Information Age. Economy, Society and Culture. Volume 1: The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishers, Ltd., 1996. — 556 p.
13. *Gamson W.* The Strategy of Social Protest. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 1990. — 185 p.
14. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992. — 186 p.
15. Our Common Future. The World Commission on Environment and Development / Ed. by G. Brundtland, M. Khalid. Oxford, N.Y: Oxford University Press, 1987. — 383 p.
16. Social Ecology. Society-Nature Relations across Time and Space / Ed. by H. Haberl, M. Fisher-Kowalski, F. Krausmann, V. Winiwater. Cham: Springer, 2016. Accessed 15.06.2017. URL: <<http://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-33326-7>>. DOI 10.1007/978-3-319-33326-7
17. The Global Risk Report. 2016. Accessed 15.06.2017. URL: <<http://www.weforum.org/reports/the-global-risk-report-2016>>.
18. *Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. — 275 p.

19. Yanitsky O. Modern Networks and Infrastructures in Light of the Risk-Society Theory // Мир России. 2016. Том 25. № 3. С. 37–55.
20. Yanitsky O.N. Sociology of Critical Areas. Open Journal of Social Science Research. 2014. Vol. 2 (3). P. 112–118.

Дата поступления: 19.06.2017.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL.

2017. VOL. 23. NO. 4. P. 69–88. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5529

O.N. YANITSKY

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Moscow, Russian Federation.

Oleg N. Yanitsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 5, 24/35, Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 128-86-76.
Email: oleg.yanitsky@yandex.ru

**MODERNIZING HUMANITARIAN KNOWLEDGE:
PRACTICE, METHOD AND THEORY**

Abstract. The aim of this article is to substantiate the need for modernizing humanitarian knowledge, as well as to analyze some of its issues in relation to sociological science. Based on researching natural, social, and technical science literature, as well as on personal experience in implementing a set of interdisciplinary projects in fields such as urban sociology, studying natural and man-made disasters, social ecology and social movements, the author came to the following conclusions. First of all, the need for an interdisciplinary approach (hereafter — IDA) in humanitarian sciences is dictated by the complex nature of social phenomena. Second — essentially all humanitarian disciplines in one degree or another have been complex since the Renaissance. Society's gradually growing complexity, together with its intense use of achievements in natural and technical sciences, required developing a complex approach. Third, modern globalization is not a linear process: some societies follow the uniform Anglo-Saxon model, while others strive to protect their cultural specificity and way of life. Fourth — today constructing as a method, theory and practice is becoming a leading force in global dynamics and social practices. An "organic" approach, together with socio-technical constructing, are used ever more commonly. Fifth, the humanitarian understanding of the consequences of technological progress cannot keep up with the pace of local-global transformations. Sixth — the concept of global community as a socio-biotechnical system (SBT-system), its network-structured nature, and its accelerating tempo-rhythms and non-linear manner of development are the theoretical underpinnings for IDA-analysis. Seventh — the global socio-technical world exists in two forms — material and virtual, and their interactions demand a thorough analysis. Eighth — the logic of interdisciplinary research should follow the logic of social space development, while the tempo-rhythms of humanitarian knowledge development should follow the SBT-dynamics. Ninth, a research team oriented towards an IDA, past experience in implementing such a project, the presence of a tightly-knit group of like-minded people, together with the will to create something new, as well as patience and communicability — all of these things are important preconditions for modernizing the humanities.

Keywords: globalization; interdisciplinary research; knowledge production; networks; the SBT-system; sociology; natural and technical sciences.

For citation: Yanitsky O.N. Modernizing Humanitarian Knowledge: Practice, Method and Theory. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 4. P. 69–88. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5529

REFERENCES

1. Vernadskii V.I. *Problemy biogeokhimii. Trudy biokhimicheskoi laboratorii*. [Biogeochemical issues. Works of Biogeochemical issues laboratory.] Iss. 16. Moscow: Nauka publ., 1980. 320 p. (In Russ.)
2. Chizhevskii A.L. *Zemnoe ekho solnechnykh bur'*. [The earth echo of sun storms.] Moscow: Mysl' publ., 1973. 349 p. (In Russ.)
3. Chizhevskii A.L. *Fizicheskie faktory istoricheskogo protsesssa*. [Physical factors of a historical process.] Kaluga: Pervaya gostipolitografiya publ., 1924. 72 p. (In Russ.)
4. Eizenshtadt Sh. Revolution and Transformation of societies. Comparative Study of Civilizations. [Russ. ed.: *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Svravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii*. Transl. from Eng. A.V. Gordon; Ed. by B.S. Erasov. Moscow: Aspekt Press publ., 1999. 416 p.] (In Russ.)
5. Yanitsky O.N. A metabolic concept of modern city. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2013. No. 3. P. 16–32. (In Russ.)
6. Yanitsky O.N. Sociology of critical states of a society. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2014. No. 4 (8). P. 5–24.
7. Yanitsky O.N. *Ekologicheskaya kul'tura. Ocherki vzaimodeistviya nauki i praktiki*. [Ecological culture. Essays on the interaction of science and practice.] Moscow: Nauka publ., 2007. 275 p. (In Russ.)
8. Bauman Z. *On Glocalization: Or Globalization for Some, Localization for Others. The Bauman Reader*. Ed. by P. Beilharz. Malden, Mass.: Blackwell Publishers Inc., 2001. P. 298–311.
9. Bauman Z. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press, 2004. 152 p.
10. Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE, 1992. 272 p.
11. Beck U. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press, 1999. 192 p.
12. Castells M. *The Information Age. Economy, Society and Culture. Volume 1: The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell Publishers, Ltd., 1996. 556 p.
13. Gamson W. *The Strategy of Social Protest*. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, 1990. 185 p.
14. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992. 186 p.
15. *Our Common Future. The World Commission on Environment and Development*. Ed. by G. Brundtland, M. Khalid. Oxford, N.Y: Oxford University Press, 1987. 383 p.
16. *Social Ecology. Society-Nature Relations across Time and Space*. Ed. by H. Haberl, M. Fisher-Kowalski, F. Krausmann, V. Winiwater. Cham: Springer, 2016. Accessed 15.06.2017. URL: <<http://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-33326-7>>. DOI: 10.1007/978-3-319-33326-7
17. *The Global Risk Report. 2016*. Accessed 15.06.2017. URL: <<http://www.weforum.org/reports/the-global-risk-report-2016>>.
18. Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2008. 275 p.
19. Yanitsky O. Modern Networks and Infrastructures in Light of the Risk-Society Theory. *Mir Rossii*. 2016. Vol. 25. No. 3. P. 37–55. (In Eng.)
20. Yanitsky O.N. Sociology of Critical Areas. *Open Journal of Social Science Research*. 2014. Vol. 2 (3). P. 112–118.

Received: 19.06.2017.